

Free Play

"free play" –
люфт, мертвый ход;
свободная игра

Эта работа продолжает тему, которая была поднята в статье "Хлеб с Маслоу" и развита в "Эпициклах сознания" и "postnatural". В этой части цикла предпринимаются попытки заглянуть за горизонт событий технологической сингулярности, излагаются предположения о характере ожидаемого фазового перехода и формах его проявления на социальном и индивидуальном уровнях. Особое внимание уделено эволюции экзистенциального пространства *homo sapiens sapiens* и возникновению его преемника – *postnatural sapiens*, чья онтология преодолевает оковы интенциональной, смысловой и этической ограниченности человека сегодняшнего дня.

Наемные агенты эволюции – пролетарии умственного труда

Десятки тысяч лет назад неоантропы, эксплуатируя самый мощный из всех приспособительных аппаратов, который млекопитающими подарила эволюция – интеллектом – отшлифовали до совершенства механизм выживания собственного вида. Они распространили свою популяцию на огромные пространства – подчиняясь инстинкту размножения, облагороженному социально-культурными виньетками, покорили и преобразовали окружающую их природу – руководствуясь линейной логикой фермера, оценивающего весь мир в единицах гектаров перспективной целины, изучили и описали окружающий их мир – удовлетворяя присущий каждому теплокровному инстинкт картографирования местности... Все это время когнитивная функция помогала им справляться с задачами, которые перед ними ставились в процессе выживания, сама при этом усиливаясь и оттачиваясь на расходном материале данного биологического вида. В обмен на свое совершенствование она позволяла пользоваться плодами и выгодами своего функционала своим представителям, что, в свою очередь, питало у последних иллюзию ее сервильности по отношению к ним, ее опредмечивающим носителям. Однако по существу все это время как сам *homo sapiens*, так и предшествовавшие или сопутствующие ему ветви животного мира являлись для Разума не более чем участниками всеобщей эволюционной эстафеты – регулярно сменяющимися постановщиками тактических задач и материальными носителями средств их достижения.

По мере своего развития когнитивная функция использует чередующиеся биологические виды в качестве представителей собственного содержания и постановщиков задач для своего развертывания. Их периодическая смена является естественным процессом и обусловлена потребностями эволюции; как только тот или иной вид перестает удовлетворять потребностям

эволюционирующего Разума, последний тут же переключается на новых актеров, новых поставщиков инструментальных целей и объективирующих когнитивный функционал агентов.

Игнорируя это подчиненное положение и находясь под очарованием успехов, достигнутых при инструментальной поддержке интеллекта, неантропы выдали желаемое за действительное, допустив инвертирование ролей и гиперакцентирование подчиненного элемента – вместо того, чтобы оценить значение данного функционала для своего вида, они воспели свою собственную значимость для самого Разума. Относясь сугубо прагматически к операциональным возможностям когнитивной функции, ставшей доступной *homo sapiens sapiens* в ходе эволюции, разумные гоминиды не имели права упускать из виду, что сама эволюция аналогично относится к ним самим – как к одному из многочисленных биологических видов, находящихся в ее распоряжении, в перечне которых человек разумный не занимает ни первое, ни последнее место. Любое видовое качество способно развиваться лишь до тех пор, пока среда предоставляет необходимый вызов для его носителей, и пока сами эти представители способны сформировать на данный вызов оптимальный ответ. Предел развития любому качеству или видовой специализации налагается двумя ограничительными факторами: вариативностью контекста обитания и границами видовой изменчивости агентов (норма реакции). Таким образом, можно перечислить три случая, когда развитие видовой функции может быть остановлено внутренними причинами или прекращено под воздействием внешних сил:

1. вызовы среды чрезмерной силы, превышающей тот уровень, на который вид способен сформировать конструктивный ответ – в этих случаях вид отступает, оставляя контекст или (при невозможности найти и освоить новый ареал) исчезая со сцены эволюции вообще;
2. занятие представителями вида достаточно комфортной экологической ниши, в которой вызовы прекращаются – при этом развитие функции останавливается (нередко заменяясь регрессией);
3. наступление границ изменчивости вида, определенных морфологией и рядом прочих факторов, обусловленных видовой спецификой – результатом чего является не только утрата возможности дальнейшего приспособления и усиления той или иной специализации, но также и способности ставить перед собой новые задачи.

Может показаться, что чаще всего причиной остановки эволюции вида является первая из вышеперечисленных (хрестоматийный пример динозавров), однако это было справедливо лишь на ранних и средних этапах существования многоклеточной жизни на нашей планете. По мере прекращения глобальных геологических процессов на Земле эволюция видов стала регулироваться менее "драматическими" факторами, хотя периодические катаклизмы подобного уровня все еще происходили, неоднократно приводя к локальным "зачисткам" игрового поля эволюции (массовые вымирания). Человек разумный благополучно миновал фазу угроз своему существованию со стороны первого пункта – настолько успешно, что угроза пункта второго обрела для него острую значимость. Но самую большую опасность таит для него третий пункт, который становится критически важным в условиях фиксации человека разумного на своей морфологии и видовой специализации. Именно о нем пойдет речь в этой статье. Пока же следует запомнить, что до тех пор, пока когнитивная функция является для нас частью общего аппарата приспособления, пределы ее развития строго ограничены вышеупомянутыми тремя условиями, хотя за срабатыванием этих триггеров совершенно не следует прекращение эволюции Разума как такового – следствием этих событий может быть лишь завершение этапа его представления видом *homo sapiens*. До тех пор, пока тот или иной агент способен поставлять качественно новые задачи, необходимые для развития когнитивной функции, она служит ему и

помогает ему развиваться. Когда наступает предел, положенный естественными биологическими ограничениями той или иной живой формы, Разум выбирает нового представителя – вся история его совершенствования дает этому тысячи свидетельств (не стоит забывать, что человек разумный далеко не первый носитель когнитивной функции – разница лишь в степени ее развития, при этом ее градиент распределен по сотням видов многоклеточных, без учета бесчисленного множества вымерших).

Интерес к познанию окружающего мира обусловлен потребностями аппарата адаптации, проявляющегося в широком спектре разнообразных форм деятельности. Любопытство какого-либо рода, в т.ч. чисто научное – не более чем одна из форм его функционала, характерного для любого здорового представителя вида. Хищник открывает для себя рациональность скрупулезного анализа ландшафта, выгоду скрытности при сближении с жертвой и пользу от молниеносности атаки – овладение этой информацией является необходимым условием для его выживания точно так же, как для человека разумного задачами социализации и успешного выживания в обществе обусловлена необходимость знакомства с нормами социальной организации, освоения тонкостей вербального общения и нюансов коммуникативной манипуляции. Любое живое существо нуждается в отражении внутри собственного мира представлений тех природных закономерностей, условий контекста и допустимых паттернов реагирования, которые имеют решающее значение для выживания. До тех пор, пока эта референсная модель мира недостаточно полна или изобилует ошибками, живое существо будет пытаться устранить лакуны и откорректировать ошибочные участки внутренней репрезентации. Этот процесс не может продолжаться бесконечно – к окончательному эпистемологическому равновесию своей модели с окружающим миром приходят существа, достигшие предела своего видового развития и существующие в стабильной, фиксированной и комфортной для них экологической нише. Чем сложнее нервная организация субъекта – тем шире и глубже его понятие "существование", тем сложнее и многообразнее картина мира, который он пытается отразить, и на который распространяется его пытливость – и, соответственно, тем менее релевантной для него становится модель, которая еще недавно вполне удовлетворяла его предков по эволюционному дереву. При этом не следует переоценивать подконтрольность самой функции референсирования (отражения реальности в ментальных образах) тем или иным носителям Разума. Сам оборот "наше мышление" является логически перевернутой конструкцией, поскольку не мышление является продуктом нашей самости, но с точностью до наоборот – наша самость, какой мы ее (себя) осознаем, является избирательным и неуправляемым поверхностным "срезом" тех процессов, которые с известной долей допущения можно определить как "мыслительная деятельность".

Длительное совершенствование функции ментального отражения и репрезентации, обслуживающей механизмы выживания, привело к тому, что возникшие на ее аппарате когнитивные механизмы и ментальные образования обрели у млекопитающих статус самостоятельной ценности. Исправить эту ошибку атрибуции можно при условии, если сосредоточим свое внимание не на эволюции вида в аспекте совершенствования его способности к мышлению, а на эволюции самого Разума, потенциал развития и возможности самореализации которого на каждом этапе развития неизбежно ломают рамки проблематики его временных носителей.

Приняв от предшественников эстафету совершенствования когнитивного аппарата, человек разумный создал уникальный ментальный мир репрезентаций, в котором отраженная реальность обрела независимое от исходных феноменов существование. После этого лишь вопросом времени стало

наступление момента, когда очередной носитель достаточно усложнившейся на этот момент когнитивной функции задался вопросом отражения феноменов онтологического порядка – своего рода второй производной. На индивидуальном уровне это ощущалось как поиски универсального объяснения себя самого и окружающего мира, чтобы путем обнаружения взаимосвязи между ними избавиться от шокирующей несопоставимости масштабов этих явлений. Однако в общем процессе развития эта задача продолжала находиться в смысловом и мотивационном пространстве старого механизма картографирования доступной для восприятия области впечатлений и расширившегося на внутренний мир ментальных моделей пространства оперируемых сущностей. Данная потребность возникла у субъекта столь же органично, сколь природно была обусловлена потребность первых приматов в анализе устройства лесистой части местности – в аспекте ее пригодности для убежища, пропитания и размножения. Выйдя на новые просторы экзистенциальной сложности, адаптационный механизм не превратился в нечто совершенно иное, не перестал быть самим собой, не породил некое уникальное и неповторимое явление – он остался тем же источником вечной депривации полноты мировой модели, но уже в новой и наиболее сложной из ранее известных ему предметных областей. В отличие от любого представителя вида шимпанзе экзистенциальное пространство *homo sapiens sapiens*, не ограничиваясь физическим миром, распространилось на ментальную сферу, которая в биологических масштабах эволюции возникла относительно недавно. Естественно, при этом у данного вида оказалось неизмеримо больше причин для дезадаптации, поскольку его функциональное пространство охватывало уже не только область физиологических реакций, но также онтологическую картину представлений о мироустройстве, являющуюся для субъекта качественно новым предметом интересов, по сравнению с ориентацией на местности для млекопитающего животного. В дальнейшем обнаружилось, что чем больше усложняется и обогащается семантика экзистенциальности (отношение к глаголу "быть" и его наполнению), чем дальше углубляется представление об окружающем мире и действующих в нем субъектах, тем более разноплановой и сложной становится задача приспособления последних. Эта закономерность не имеет ничего общего с антропоцентрической иллюзией, проявляющейся в декларации некоей "*стоящей перед царем природы великой задачи познания*", поскольку представляет собой не более чем следствие из единого для всех дарвиновского механизма. С точки зрения глобальной эволюции разумность неантропа – не почетный и уникальный статус, а функциональная нагрузка, роль, видовая специализация, подобно тому, как уникальные зубы акулы являются спецификой вида *Carcharhinus*.

С точки зрения эволюции Разума вид *homo sapiens* является "пролетариями умственного труда", поскольку представляет собой работников по временному найму, не обладающих правом собственности на средства производства и не способных влиять на конечные цели применения итогового продукта, выходящие за пределы существования как самого вида наемных работников, так и производственного цикла, в который они вовлечены.

Для тех субъектов, у которых экзистенциальная карта уже вышла за пределы предметной области дефицитарных уровней пирамиды Маслоу, постоянно расширяющиеся границы не могут не создавать стимулов для их исследования. Вместе с тем, расширение этого пространства исследований неизбежно означает выход за границы, обусловленные биологическими потребностями вида. Природа этой ограниченности отражена в онтологических заблуждениях, которые царят в сфере оценок отношений между человеком и природными процессами. Является ли допустимым утверждение: "*эволюция – для человека*", что является аксиомой в гуманистическом мировоззрении, или все же

более верным будет обратное: человек (и не только он) является не более чем эпизодом и опытным материалом в ее развертывании? Зablуждение, разделяемое гуманистами, а также считающими себя их современной и прогрессивной версией и правопреемниками – трансгуманистами, держится на откровенно ошибочной аксиоме, звучащей так: *"человек является венцом эволюции, которая последовательно вела к нему и служит ему сейчас"*. Чтобы понять ошибочность такого подхода, достаточно поместить в качестве объекта определения любой биологический вид. Представим ситуацию, в которой некая абстрактная живая форма, способная к самосознанию, окидывая взглядом предшествовавшую ей цепочку эволюционных изменений, декларирует: *"все это осуществлялось для того, чтобы появился мой вид; цель этих процессов была достигнута на моем уровне организации; именно моя морфология венчает эту миллионлетнюю цепочку преобразований, а значит именно на ней они должны быть остановлены или переориентированы на сохранение status quo"*. Для хладнокровного и объективного мыслителя такое заявление, конечно же, звучит абсурдом. Тем не менее очень немногие способны корректно расставить акценты в выборе, кто важнее: *homo sapiens*, появившийся в ходе эволюции, или сам эволюционный процесс, способствовавший его появлению. Тот носитель разумного начала, который нам сейчас известен как *"венец эволюции"*, не может быть сохранен в неизменном виде при условии продолжающегося процесса развития (в т.ч. развития познающей функции). Равным образом и сама эволюция, как процесс непрерывного изменения и последовательного отказа от прежних форм, категорий существования и целеориентации, не может быть продолжена в консервативных рамках *"высших гуманистических ценностей человеческой цивилизации"*. Когда любовь к знанию и мудрости (φιλοσοφία) ограничивается рамками заботы о самосохранении, довольстве и накоплении полезных жизненных навыков, она превращается в заурядный инструмент рационализации жизнелюбия, неизбежно приводя своих адептов к страху перед конечностью сферы своей применимости и к ненависти ко всему тому, что лежит за её пределами. В частности, считающаяся хрестоматийной проблема поиска смысла жизни, будучи обусловленной утилитарной задачей приспособления живой формы к комплексу ощущений своего существования и необходимостью выработки единой системы ценностей для оптимального функционирования, не имеет права претендовать на принадлежность к категории философских вопросов. Подлинная философия начинается с вопроса о смысле смерти.

Хорошая пьеса от актеров не зависит

Любая система, чье развитие претерпевает длительное укрупнение и структурно-организационное усложнение, по достижению определенного уровня лишается возможности эволюционировать как одно целое – отдельные ее участки обособляются, выбирая собственные пути видоизменения и метаморфоза, а связи между разными частями системы все больше приобретают характер взаимоотношений локализованных комплексов. Сложность и многогранность, которых достигла человеческая цивилизация как на уровне социальных структур, так и на уровне индивидуального разнообразия психической организации, уже невозможно игнорировать, отрицать или пытаться компенсировать сдерживающими нормативными инструментами искусственного происхождения. Согласно основному условию структурного усложнения, для усиления разнообразия на верхнем

уровне иерархии должна осуществиться гомогенизация на нижележащем. Мы видим, как выравнивание условий материальной-биологической составляющей у населения развитых демократических стран приводит к соответствующему росту многообразия в нематериальной сфере их общества – в поддержке мультикультурных различий, в толерантности к различным идеологическим установкам, в расширении спектра транспортируемым этим обществом меметических комплексов – всех тех образований, категория существования которых определена ментальным уровнем репрезентации или его функциональными аналогами. Влияние этих комплексов, относительно слабое на заре развития человека разумного, росло и укреплялось в течении многих веков, превратившись в итоге в определяющий фактор дальнейшего эволюционного скачка, когда гены передают мемам свою роль эволюционирующего агента. Технологический прогресс, развивающийся параллельно с этими изменениями и во многом обуславливающий их, в свою очередь разрушил тесные рамки биологического определения человека, распространив его на пространство электронных компонент и даже вынеся его в виртуальный мир материально-не-существующих феноменов и расширив его носителей за пределы биологически активных транспортных агентов. Как результат – после того как миллионы лет эволюция осуществлялась на аппарате видового разнообразия комплексов эволюционирующих генов, фокус эволюционных изменений сместился в новую плоскость, начав оперировать качественно новой предметной областью. Агентами разнообразия стали меметические комплексы, освободившиеся от диктата морфологии и конструктива своих транспортных агентов, открывшие для себя горизонты, ранее недоступные в силу вынужденного сосредоточения человека-выживающего на удовлетворении собственных физиологических потребностей.

Можно сказать, что рассуждениям о человечестве, как о едином виде, наступает конец – уже сейчас эволюционными единицами становятся группы и индивидуумы, разграниченные не по расовым, географическим или социальным критериям, но по идеям и мемам, носителями которых они являются.

Совершенствование коммуникационных технологий позволило установить связь между эволюционными агентами (группами, субъектами и т.п.) без учета влияния вышеперечисленных устаревших критериев, полагаясь исключительно на культурные, интеллектуальные и мотивационные ориентиры этих агентов. Следующий эволюционный виток спирали будет разворачиваться не в пространстве биологически-генетической таксономии, а в информационно-меметической – новый вид, который возникнет в результате грядущей бифуркации, начнет осваивать качественно новое пространство "вызовов и возможностей". В терминах факторов развития цивилизаций, сформулированных Тойнби, многие исследователи задавались вопросом – какой формат вызова может ожидать современную западную технологическую цивилизацию? Какой вид примет эта очередная тоффлеровская волна общественной реструктуризации? В какой предметной области будет находиться спектр допустимых ответов на этот неизвестный вызов? Есть основания полагать, что проблематика вызова более не может относиться к ресурсно-дефицитарному пространству вопросов, поскольку достигнутая технологическая и энергетическая мощь цивилизации впервые за всю историю ее существования оказалась более чем достаточной для удовлетворения всех потребностей человечества, составляющих базовые уровни пирамиды Маслоу. В последние десятилетия появилось немало публикаций под авторством эрудированных экономистов, неангажированных социологов и авторитетных политиков, в которых открыто признается, что главной проблемой современности является не недостаточное производство необходимых для жизнеобеспечения продуктов, а отсутствие

их разумного распределения среди нуждающихся – такого, которое не нарушало бы равновесие в группах потребителей и не позволяло бы деградировать целевым общественным структурам. В то же время западное общество потребления нуждается в решении аналогичной проблемы, но повернутой к нему обратной стороной (см. "Хлеб с Маслоу") – устойчивый избыток предложения дефицитных ресурсов способен деморализовать социум и затормозить его развитие едва ли не сильнее, чем их регулярная депривация.

Следовательно вызов, который мы в этом рассуждении пытаемся найти (а вся человеческая цивилизация – нащупать методом проб и ошибок), выражается не в привычном нам пространстве материальной проблематики, но исключительно в области экзистенциального – когда цивилизация сталкивается не с заботливо подготовленным природой набором задач, а с их отсутствием, оказываясь перед необходимостью самостоятельно изыскивать новые ориентиры направления своей энергии. Эта задача – единственная, которая способна определяться как качественно новая, поскольку до сегодняшнего дня технологическая мощь цивилизации на каждом этапе ее развития уступала потребностям выживания той или иной общественной формации. Сейчас же эта мощь стала достаточной для того, чтобы природные ограничения уже не могли являться смыслоопределяющими и мотивообразующими для нашей цивилизации. А следовательно варианты реакций-ответов на данный вызов могут быть следующими:

1. **приоритет формы:** направление сил на сохранение текущего состояния, находя в тех или иных его проявлениях свой идеал, фиксация на котором позволит сосредоточить усилия на консервации имеющегося status quo на неограниченный промежуток времени;
2. **приоритет функции:** отказ от ценностей, имеющих преходящий и инструментальный по отношению к эволюции характер, доверяясь процессу развития Разума, признавая за ним доминирующее значение перед теми или иными его носителями.

Первый, откровенно реакционный путь, означает стагнацию и остановку качественных процессов эволюции, создавая базу для самолюбования при количественном росте (отнюдь не бесконечном, как вначале может казаться его адептам). Второй путь – тот вариант конструктивного ответа на вызов, который дает ожидаемый толчок в новом и перспективном направлении, и который мы рассмотрим подробно.

Выбор ветки бифуркации определяется расстановкой приоритетов между значимостью собственной природы и самим эволюционным процессом, и – через призму этого определения – переоценкой тех технологических новшеств, которые введены в нашу жизнь относительно недавно или зарождаются в настоящее время: нанотехнологий, искусственного интеллекта, геной инженерии, новой энергетики, тотальной оцифровкой объектов реального мира и массовой репликации.

Уже сейчас можно описать два пути, по которым разойдется цивилизация. Первое направление – консерваторы, которые в формулировке своих лозунгов и принципов будут обыгрывать термин "гуманизм" и его производные, причем основной фокус интересов будет сосредоточен на сохранении "*природно обусловленных ценностей*", "*биологически заданных ориентиров*" и "*жизнеутверждающей веры в человека*". Тем не менее, даже это направление будет представлено не "сохранившими свою сущность людьми" (как будет считаться внутри приверженцев этой партии), а киборгами, которые

сделали ставку на консервацию системы ценностей, сложившейся за период органического развития. Выбрав своей главной целью "заботу о человеке", в этой группе определение главного объекта будет подвергаться постоянной ревизии, поскольку инструменты, выбранные для достижения этой цели, весьма скоро не оставят ничего "натурального" – наноэксоскелет придет на смену волоконной мускулатуре, электронные рецепторы заменят химорганические, соматический аппарат уступит роль киберимплантам, вспомогательные электронные интерфейсы окажутся более производительными, чем нейронные сети, завершающий удар нанесут дистанционные интерфейсы для оперирования удаленными объектами, а возобновляемые энергоблоки окончательно вытеснят медленные и ресурсоемкие метаболические процессы. Причем прогресс в генетике отнюдь не исключит киборгизацию, но усилит и дополнит ее, облегчив создание посредников между "живой" и "неживой" материей (причины, по которым оба слова взяты в кавычки, рассмотрены в предыдущих статьях цикла), размывая границы между биологическими носителями разумности и любыми другими ее агентами.

Второе направление – эволюционисты, которые отбросят пиетет перед "*ценностями человеческого наследия*", порвав с определениями и рестрикторами, накладываемыми спецификой биологического вида. Вместо унаследованной от потомка млекопитающих парадигмы эксплуатации, конкуренции и субъект-объектного противопоставления "выживающий организм/окружающая среда" данная группа сосредоточится на проблематике "соучастия" в процессах, доступ к которым уже не будут преграждать барьеры "отождествления" и "самоидентификации". Ведущим принципом ее самовыражения станет "произвольный отыгрыш" – участие в естественных процессах при неограниченном спектре ролей и полной свободе выбора между ними. Несмотря на то, что первоначальная технологическая база, формирующая данную группу, будет та же, что и у предыдущей, различие между ними обнаружится в ведущих задачах и подходах к использованию открывшегося инструментария – если в первой группе целью станет воспроизводство с его помощью привычных впечатлений, унаследованных от миллионолетней эволюции (закрывающихся в удовольствии от преодолении среды, противящейся обособившемуся от нее агенту), то вторая сосредоточится на разработке качественно новой парадигмы – *свободной игре*, в которой конкуренция между ресурсозависимыми субъектами уступит место процессам игрового отражения и последующего манипулирования референсными объектами на уровне демиургов виртуальных (а впоследствии и не ограничиваясь ими) сущностей. Здесь уместно осветить следующий вопрос: на какую основу будет осуществляться это отражение? Если сейчас картографирование живым существом реального мира производится на матрицу его потребностей и субъективных установок, сформированных ресурсозависимым аппаратом жизнедеятельности (и всей системой ценностей, построенной на ней), то какие принципы придут ему на смену у нового игрока, свободного от этих зависимостей? После деактивации дефицитных ярусов пирамиды Маслоу привычная система интенциональной базы неизбежно разрушится (что, кстати, не раз отражалось в судьбе многих субъектов-эволюционистов, представляющих авангард человечества), и именно здесь ляжет водораздел между теми, для кого экзистенциальная карта оказалась ограниченной "сверхзадачей" поддержки гомеостаза представителя вида, и теми, кто смог сформировать достаточно самодостаточную надстройку над этими базовыми уровнями.

Ввиду несомненно большей близости первой группы к привычному человеческому образу и к устоявшимся формам самореализации *homo sapiens*, а также, с другой стороны, по причине абстрактности и абиологичности приоритетов второй группы, можно с уверенностью

утверждать, что обе ветви бифуркации будут отождествлены соответственно с "Жизнью" и "Смертью" как на индивидуальном уровне, так и в масштабах человеческого общества и всей земной цивилизации.

Первая группа неизбежно сосредоточит в себе большую часть населения планеты, в то время как вторая сможет объединить только тех, кто в понятии "*человек разумный*" выбирает доминантой не подлежащее, а сказуемое. Естественно, для широких масс демонстрация и пропаганда достижений первой группы будут более доступна и доходчива, однако, несмотря на выбранный своим знаменем тезис "вечной жизни", данный путь окажется тупиковым и точно так же приведет цивилизацию к финишной черте, как и второй. Но если во второй группе смерть цивилизации *homo sapiens* обусловлена тем, что она порывает с биологическими рудиментами, обретая при этом новый формат существования и самореализации, то в первой группе данное событие станет результатом бесплодных попыток консервации и торможения естественного процесса эволюции. Здесь следует сделать небольшое отступление и напомнить, что ни одно из двух направлений не может оцениваться по шкале "правильное/ошибочное" или "хорошее/плохое" – с позиции объективной значимости они совершенно равноценны. Критерии релевантности какой-либо модели тому объекту или явлению, которое она описывает, имеют не универсальный и внешний по отношению к ней характер, но являются функцией характеристик самого заказчика этой модели, его потребностей и решаемых при помощи этой модели задачам. (Например, одну и ту же реальность можно воспринимать и как продукт деятельности Творца, и как результат закономерной эволюции Природы – очевидно, что критерии объективной релевантности и верифицируемости второй модели, важные для ее адептов, несущественны для приверженцев первой, и наоборот.) Поэтому каждая из бифуркационных групп вполне заслуживает своего пути, и ни одна из них не нуждается в альтернативной модели развития, а значит обе имеют равное право на существование. То, что в одной группе называется "объективностью", является частью ее меметического комплекса, который его носители транспортируют и развивают в направлении, необходимом им. Носители альтернативного комплекса (представители другой группы), не включающего данный мем или ценностную установку, разрабатывают и распространяют иную модель, которая для них так же стройна и не противоречива, поскольку основана на иных фундаментальных допущениях (можно сказать, что одна аллель представлена меметическими комплексами, собранными из элементов эмоций и веры, а другая – основанными на элементах рассудка и логики). Тем не менее, хладнокровное принятие подобного положения вещей нельзя путать с релятивизмом, принципиально отвергающим существование существенных различий между выбранными вариантами с точки зрения эволюционных перспектив, поскольку в данном случае речь идет лишь об уважении права субъективного выбора, совершаемого той или иной группой, но не об отмене объективных законов, которым продолжают подчиняться все эволюционные группы.

Безусловно, на начальной фазе бифуркации между этими двумя направлениями в тех или иных формах взаимодействия возможны определенные конфликты. Однако рано или поздно приверженцы каждого направления найдут свои ниши, не мешающие альтернативе, так как, в сущности, сферы их интересов не пересекаются и не противоречат друг другу. Первоначально их отношение друг к другу будет окрашено в антагонистические тона и пронизано дискуссиями о взаимных преимуществах/недостатках, однако это будет не более чем борьба за адептов доктрин – неизбежная в подобных ситуациях. В короткой перспективе обе ветки развития имеют сравнимый потенциал (даже с

некоторым преимуществом у первой), однако в долгосрочном плане внимания заслуживает лишь вторая, поскольку первая (гуманистическая) является не более чем попыткой укрепить протезами и подпереть костылями пережившего свой век старца или законсервировать его наличествующее состояние (не зря в большинстве трансгуманистических форсайтов такие огромные надежды возлагаются на крионику). Этот путь может представлять интерес для ряда общественных институтов и крупных корпораций, решивших поживиться на идее "сохранения жизнедеятельности человека", относящейся скорее к разряду теологических доктрин, поскольку при внимательном рассмотрении гуманистическая идеология раскрывает свою родственность концепции *"образа и подобия Творца"*, когда пытается обосновать собственную систему ценностей. В общем, можно смело утверждать, что на ближней временной дистанции в первой группе наибольшие прибыли будут собираться именно в данном сегменте услуг и технологических разработок.

Прогресс в энерготехнологиях, появление новых инструментов для манипулирования геномом, открытие эпохи квантовых вычислений и создание аналога Искусственной Личности, вместе с рядом других технологических разработок – все это ляжет в основу того эволюционного поршня, который протолкнет общество по двум вышеупомянутым путям развития, разделив его по расходящимся направлениям. При этом, если первый путь, описанный в предыдущем абзаце, ограничится прикладным отношением к новым технологическим возможностям, второй возьмет от них качественную суть, выйдя на новый уровень отражения реальности и манипулирования ею – в пространство, которое можно назвать *e-realms*. Это пространство не будет вырвано из окружающей "реальности", но окажется вплетенным в нее таким образом, который позволит гибко отражать, моделировать, воссоздавать, переигрывать и познавать эту реальность, оперируя ею на уровне свободных творцов – с минимальной (стремящейся к нулю) ресурсозависимостью агентов и с максимальной (по сути бесконечной) гибкостью, масштабностью преобразований и вариативностью разрабатываемых экземпляров, шаблонов и референсных моделей. По мере углубления и расширения мира отраженных объектов, его пространство будет "заселяться" и расширяться, все больше перетягивая на себя экзистенциальный фокус действующих агентов.

Важно понимать, что это будет не "самозамыкание в искусственной матрице", но расширение мира реального на новую плоскость существования, которая не порывает контакты с привычной реальностью, но наоборот – наращивает их количество и обогащает содержательную часть. Жизнь, перейдя с одноклеточной формы на многоклеточные структуры, не лишилась связи с биологической основой, но свела к нулю свою зависимость от её конкретных представителей. Еще одну аналогию предоставляет следующий умозрительный эксперимент: окинем взглядом наше повседневное окружение, все блага нашей современной цивилизации – все то, что является результатом свершившегося на протяжении тысячелетий исхода человека из лесов в мегаполисы и переселения из нор и шалашей в многоэтажные стеклобетонные пещеры, после чего попытаемся представить себе, как бы мог отнестись ко всем этим преобразованиям наш далекий и романтически настроенный предок – рыцарь естества и гуманист с большой буквы "Г". С его точки зрения наша жизнь и все современное общество предстали бы как *"бегство из реального мира в искусственную реальность, не отражающую изначальный характер человеческой природы и далекую от подлинно природной среды каждого уважающего себя потомка Адама и Евы"*. Однако, в отличие от нашего наивного предка-гуманиста, мы отлично понимаем, что на самом деле именно уют стеклянных пещер обеспечил нас комфортными условиями для глубокого изучения Натуры, которую воспевают этот романтик – тех

самых явлений, которые нещадно довлели над нами в долгий период нашего беззащитного пребывания на ее лоне, заставляя нас тратить подавляющую часть времени и усилий на борьбу с этой окружающей *навязчиво-натуральной* средой. Точно так же и *e-realms* не только не нарушит нашу связь с Природой, но вместо этого сделает ее более тесной и прозрачной, открывая нам возможности для более глубокого и интенсивного познания ее и самих себя, и одновременно облегчая поиск ответов в пространстве, где скорость событий ограничивается не пределами электро-химических реакций и ньютоновской механикой, а релятивистскими порядками и квантовыми скоростями. Где символы и образы отражения и моделирования реальности могут принимать такие формы, какие удобны действующему актеру, и нести такую смысловую нагрузку, которая не ограничивается тесным семантическим пространством аппарата поддержки органического гомеостаза.

Безусловно, при этом мы уже будем говорить не об эволюции человека, как биологического вида или популяции органических носителей информации (транспортных агентов мемов, согласно Докинзу), но исключительно об эволюции идей, об их наследовании, размножении и видоизменении – не привязанных к какой-либо морфологии, к типу или конструктиву конкретных носителей, не локализованных в пространстве/времени и не ограниченных практически ни одним из тех факторов, которые сейчас составляют определяющие рестрикторы наших собственных идентичностей – раса, пол, профессия, национальность, религия, язык и т.п. Безусловно, изменения затронут и сам механизм, поскольку задача "конкурентного выживания" сменится задачей "совместного отыгрыша и разработки" (о ней ниже), но результатом будет аналогичный процесс. На уровне оперируемых объектов разница выразится в наборе носителей, отражающих элементарные информационные объекты эволюции – в аллелях, конкурирующих за локусы в ДНК в биологических структурах, или в мемах, взаимодействующих между собой в более широком пространстве своих носителей – любых информационно-культурных объектах, способных быть их транспортными агентами. В настоящее время пространство выражения и развития этих меметических комплексов постепенно смещается из объектов реального мира в виртуальную сферу, делая ее доминирующей средой. При этом фокус эволюции все больше включает в себя виртуальный мир, который избавляется от атрибута вторичности и несамостоятельности, приобретая качественно новую гибкость и полноту представления доступной для игроков картины. Становится возможным достижение более полной самореализации в мире, который позволяет не только решать задачи по преодолению препятствий, но и создавать новые принципы определения форм, не только совершенствоваться в искусстве игры по заданным правилам, но и раскрываться в создании самих этих правил – что приближает участников игры к демиургам, дополняя творческий функционал ролевого актера возможностями режиссера-постановщика, декоратора и сценариста.

Идея гомогенной прогрессии антропосферы до уровня сверхцивилизации, обладающей космическими масштабами проявления, является недостижимым мифом, поскольку эволюционировать единым фронтом до уровня, воспетого гуманистами, человечество не способно – как принципиально были не способны выйти на сушу абсолютно все жабродышащие, как невозможным (и ненужным) оказалось всем видам млекопитающих избавляться от хвостов и т.д.

Подобно тому, как далеко не все жабродышащие вышли на сушу, не все из наследников человекоподобных обезьян смогли "*взять палку в руку*" – подавляющее большинство соседствующих видов попросту не нуждалось в этом. На биологической фазе эволюции инструментами

приспособления и факторами пространства вариаций служили: морфология, метаболические процессы химорганического характера, система дыхания и все прочие механизмы, которые обуславливали дробление эволюционных веток. С появлением интеллекта и формированием речи, создавшей "вторую реальность", вышеупомянутый набор механизмов устареваает, уступая эстафету эволюции идей. В таком контексте механизм персонального развития приобретает решающее значение, оставаясь, тем не менее, в сильной зависимости от рационально-культурных установок контекста. Все это означает, что разговоры о той или иной форме "*человеческой сверхцивилизации*" лишены всяческих оснований – несмотря на то, что ветка развития "человечества" имеет определенные перспективы развития, само вышеупомянутое определение является катахрезой, связью двух противоречивых аксиом. Тот гипотетический разум будущего, проявление которого якобы распространится на явления космических масштабов, не может включить в себя все разнородное население планеты. Уже сейчас можно утверждать, что значительная его часть останется на том качественном уровне, который давно достигнут эволюцией вида *homo sapiens* – подобно тому как биологические виды, миллионы лет назад заселившие древние водоемы, в большинстве своем остались в морях и океанах, не покинув привычную среду обитания даже после освоения суши своими эволюционировавшими родственниками. Меметический аналог этой стратификации мы наблюдаем на протяжении всего человеческого существования – подавляющая часть населения не испытывает потребности в эволюции, придерживаясь откровенно атавистических приоритетов, достаточно уютно ощущая себя в том смысловом пространстве и утверждая такие жизненные ценности, которые еще тысячи лет назад своей примитивностью шокировали единичных мыслителей – носителей идей прогресса (на всех этапах существования человечества представлявших ничтожно малое меньшинство). Лишь в силу недостаточности уровня развития технологий на ранних этапах развития нашей цивилизации этому передовому меньшинству невозможно было "оторваться от коллектива" и развиваться вне контекста, образованного реакционным *интеллектуальным большинством* (что, как свидетельствует история, неоднократно приводило к печальным коллизиям и драматическим последствиям). В наше время созрели все предпосылки для того, чтобы эта натянутая до предела пуповина наконец-то разорвалась – предстоящий комплекс метаморфоз будет именно той вехой, за которой пути различных групп человечества окончательно разойдутся, а само человечество, в том виде, который нам сейчас известен, завершит свое существование. Этот переход будет инициирован и усилен комплексом последствий, вызванных наступлением технологической сингулярности, к которой мы вплотную подошли в результате научно-технического прогресса, однако содержание его будет определяться не только данными факторами. Не сомневаюсь, что нечто подобное индивидуальным фазовым переходам на микро-уровне неоднократно происходило на протяжении всей эволюции человечества с достаточно регулярным характером – это отражено в известных строках поэта: "*скорость внутреннего прогресса больше, чем скорость мира*" (И. Бродский). Однако именно технологическая сингулярность придаст этому явлению макро-масштаб, стимулируя подобные *переходы* и обеспечивая их новыми возможностями.

Отношение к этому неизбежному событию может быть – и неизбежно будет – самым разнообразным. Однако доминировать, безусловно, будет категорическое неприятие его закономерности и необходимости, а также затруднение в оценке его качественно новых перспектив. Братья Стругацкие в повести "Волны гасят ветер" описали довольно убедительный вариант бифуркации человечества на классических людей и эволюционировавших *люденов*. При этом первые оказались неспособными понять изменение целеориентации и мотивов вторых, а те, в свою очередь, совершенно утратили

интерес к смысловому пространству и ценностям первых. В итоге биологически единый вид оказался разорван на два совершенно чуждых (не враждебных!) лагеря. К сожалению, АБС всегда были типичными представителями прямолинейной гуманистической парадигмы, никогда не пытаюсь выйти за ее границы (в позднем своем творчестве даже склоняясь к примитивизации ее выражения пагубными приемами христианской доктрины), поэтому описание фазового перехода, совершенного небольшой группой лиц, у них получилось весьма однобоким – исключительно с ракурса привычных и близких авторам героев, являвшихся лучшими представителями *классического* человечества, однако – несмотря на это или как раз в силу этого – ничуть не блещущих гибкостью и открытостью в оценке совершающихся на их глазах эволюционных процессов. В результате авторы произведения такое интересное и важное событие смогли выразить исключительно через драматическую картину "утраты заблудшими душами *единственно верных* ориентиров". Людены были выведены и охарактеризованы главными действующими лицами произведения в недоумевающе-сочувственной тональности – как некие генетические мутанты, заблуждающиеся в силу своего уродства и ведущие себя как аутичные дети. С точки зрения самовлюбленно-сентиментальных "*классических homo sapiens*" людены – это несчастные потерянные души, сбитые с толку спонтанно обретенными сверхспособностями, значение которых затмило перед этими люденами все прелести забот млекопитающих "стандартного образца" и всю красоту целеустремлений "нормальных человек". Вряд ли АБС в своем произведении ставили перед собой целью донести именно эту мысль, но так или иначе им удалось замечательно показать не только то безразличие, которое представители качественно новой волны испытывают к своим предшественникам и всей их рудиментарной системе ценностей, но и то, насколько этически ограничены и когнитивно ригидны даже самые лучшие из представителей "*классических людей*" в своих тщетных попытках осмыслить суть произошедшей бифуркации и проанализировать перспективы дальнейшего развития обеих ветвей. И это неудивительно, поскольку над убежденными гуманистами (какими, кстати, всегда являлись Стругацкие) довлеют три наивные идеи, обладающие статусом непререкаемой догмы и фундаментальной моральной установки (изготовленной из цемента марки М700 еще на заре эпохи Просвещения):

1. тезис подчиненности Разума задачам развития вида *homo sapiens* (ни в коем случае не наоборот);
2. тезис недопущения альтернативы сегодняшним представлениям человечества о себе самом и стоящих перед ним задачах;
3. тезис тотального равенства и эволюционного эквивалента всех представителей биологического вида *homo sapiens*.

Несложно убедиться, что первый тезис является самым главным, обуславливая два других. Я предоставил тройственную формулировку только потому, что так проще отследить формы проявления ее конкретных составляющих. Все, кто отвлекается от следования "великой миссии человеческого выживания и распространения", воспринимаются как потерявшие "истинные" ориентиры мутанты-рenegаты – на подобных отщепенцев уверенное в себе "правильное человечество" смотрит со снисходительно-сочувствующим прищуром (далее цитата из повести): "*Они ушли. Совсем. Несчастные, и оставив за собой несчастных. Человечность. Это серьезно. ... Отрыв от нас слишком дорого обошелся люденам...*" – это все, что способен был сказать о совершивших переход люденах один из главных героев произведения. Гуманисты с большой буквы "Г" роняют слезу сожаления и похоронным тоном произносят "*Аминь*" – с тем же выражением лица и похоронным

сочувствием, с каким кембрийская биота из глубины своего водоема провожала выползающих на сушу первых амфибий.

Предстоящая меметическая бифуркация не является чем-то принципиально новым, функционально расширяя биологическое разнообразие видов. Современный контекст, сформированный нашими технологическими достижениями, позволит этому эволюционному механизму проявиться с большей силой, усиливая роль личного опыта каждого субъекта и перенося акцент с видового или социально-группового статуса подготовленности к событию на индивидуальные особенности его восприятия.

Наше мышление часто характеризуется шаблонным подходом и прямолинейными экстраполяциями, и отношение к метаморфозам, вызванным кумулятивным воздействием технологической сингулярности и фазового перехода, не является исключением – практически во всех форсайтах доминирует мнение, что эти изменения будут иметь унифицированный характер для всего вида *homo sapiens sapiens*. Также весьма распространенным является представление о том, что данные метаморфозы будут лежать в едином экзистенциальном пространстве, выразятся в одних и тех же категориях и приведут к одинаковым (или сопоставимым) результатам для всех носителей когнитивной функции, населяющих нашу планету. Эта благодушная вера позволяет многим занимать пассивную позицию, утверждая следующее (здесь практически дословно цитирую одного известного *"прогрессивного публициста"*, воспевавшего в своих статьях прелести грядущего эволюционного скачка и предвкушавшего выгоды от наступления технологической сингулярности): *"Зачем заниматься или озадачиваться какими-либо вопросами, связанными с происходящими процессами? Эти процессы идут своим порядком и все мы там будем!"* Здесь продемонстрирован типичный пример потребительского отношения, образец адаптационной позиции мещанина, уверенного в том, что его задача – приспособливаться, а направление подскажет ход эволюционных событий, предоставив для этого соответствующие инструменты. Однако дело в том, что эти инструменты давно уже предоставлены, и выбор делается каждую минуту, при этом пассивность и реакционность в оценке персональной ответственности производят ту самую селекцию, которая впоследствии выразится в разбиении человечества на различные ветви развития. Более того, даже уже свершившийся эволюционный выбор не исключает возможности его пересмотра. Тем, кто просто дожидается, пока их прибьет эволюционным течением к новому берегу, стоит напомнить о судьбе китообразных. Не все виды, участвовавшие в великом выходе на сушу, успели занять уютные экологические ниши, равно как не всем эта суша пришлось по вкусу – некоторым оказалось намного уютнее прежняя среда обитания. Выбравшись на сушу миллионы лет назад вместе с прочими видами, со временем будущие китообразные решили вернуться обратно в водную стихию (возможно, в освободившиеся после вымирания плезиозавров ниши), отказавшись от сопутствующих новой среде кризисных вызовов, не обладая достаточными силами, чтобы справиться с новыми проблемами выживания или же не оценив те выгоды, которые заключала в себе новая среда. Таким образом ими были утрачены эволюционные перспективы, предоставляемые сухопутным контекстом, в результате чего сейчас мы можем в своих аквапарках забавляться с милыми и удивительно сообразительными дельфинами, которые в свое время имели шанс оказаться соперниками или соратниками для человека разумного, однако вместо этого предпочли остаться тем, чем были.

Мы имеем все основания для того, чтобы провести параллели между судьбой этого вида и перспективами той части представителей *homo sapiens*, которая не просто не способна

эволюционировать дальше, но даже готова предпринять все шаги для того, чтобы вернуться к более раннему этапу развития – к упрощенным формам самореализации, к базовым мотивационным комплексам и к *натуральной* (естественной, освященной памятью предков) жизни млекопитающих. Эта категория агентов эволюции постоянно будет предпринимать попытки вернуться назад – до тех пор, пока они не увенчаются успехом и пока на место их "рук" не вернутся "плавники". Это их выбор, это естественное эволюционное право каждого вида на самоопределение. И лишь наше наивное игнорирование значимости меметической составляющей в определении вида "человек" и понятия "цивилизация" препятствует тому, чтобы отпустить их "домой". Мы совершаем насилие над очевидными фактами, когда пытаемся убеждать себя в том, что у всех *"прямоходящих, лишенных хвоста и перьев"* должны быть единые цели, общие представления о смысле своего существования, что они обязаны (кому?) составлять единую цивилизацию, разделять одну систему ценностей, поддерживать общее культурное пространство и строить коммунальное будущее. Подобная наивность, имеющая своим фундаментом сентиментальную поверхность и лицемерное самообожание, дорого обходится всем сторонам и каждому из участников процесса. Против эволюции идти глупо и бессмысленно, но так же глупо и бесполезно пытаться насильственно тащить какой-либо вид в среду, условия которой превосходят его адаптационные возможности и функциональные потребности.

В любом процессе, не имеющем четко обозначенной цели и осуществляемом при участии большого числа агентов, всегда будут находиться те, кто остановятся на середине пути, решив, что достигнутая позиция лично для них является достаточно удовлетворяющей, чтобы более не участвовать в каких-либо дальнейших процедурах, конечный смысл которых все равно неизвестен или непонятен. Общее число живых форм, вышедших на сушу, было несоизмеримо мало по сравнению с объемом видов, оставшихся в обжитой водной среде. Ни в коем случае нельзя относиться к этим видам как к "проигравшим" или "отстающим", равно как давать им сравнительную оценку в подобной модальности. Каждый вид занимает свою нишу, и если он себя в ней комфортно чувствует, его выбор является наиболее оптимальным из всех возможных. Исходя из этого, точно так же не правомочны оценки населения планеты по единому шаблону, распространяющие стереотипы "человека созидającego", "человека пытливого" или же "человека потребляющего" на всех без исключения представителей *homo sapiens*. Таких шаблонов существует огромное количество, и каждый из них вполне заслужен и оправдан – для тех транспортных агентов соответствующих меметических комплексов, которые комфортно ощущают себя в пространстве данного шаблона. Одно из самых трагических заблуждений гуманистической парадигмы заключается в том, что она, руководствуясь исключительно биологическими критериями, утверждает мифический императив универсальной эквивалентности *человеческих норм* и навязывает тождество интенциональных установок всем представителям рода человеческого, чья вариативность с открытием второй сигнальной системы давно уже вышла за пространство биологических рамок. Хладнокровный кинический взгляд на общество, не зашоренный сентенциями о тотальном равенстве (трактуемом как эквивалентность потребностей и устремлений), приводит к столь же шокирующему, сколь неизбежному выводу, что представители племени "человека разумного" находились бы в гораздо большей гармонии, если бы вместо попыток навязывания всем *"универсальной и единственно правильной"* системы ценностей и ориентиров признали наличие в своей среде таких качественных различий, которым уже давно можно придать статус видовых. К сожалению, именно романтически-наивное представление о сущности человека разумного, сложившееся у гуманистов и пропагандируемое влиятельными фигурами в сфере науки и искусства,

поддерживает эту ошибочную парадигму, несмотря на то, что данное заблуждение с каждым эволюционным этапом цивилизации приводит ко все более драматическим последствиям.

По мере отхода человеческой цивилизации от ресурсо-дефицитной парадигмы доминирующий на протяжении всей биологической эволюции принцип конкурентной борьбы за ресурсы уступает место качественно новому подходу – игре вне роли, позиции свободного участия в процессах универсума. На обновленной сцене постнатурального разума место соперничающих групп, сражающихся за лимитированные ресурсы, занимают свободные актеры, объединенные не по биологическим или социальным признакам, а по родству выбранных ими меметических комплексов.

Экспоненциальный рост расходуемой человеческой цивилизацией энергии связан с технологическим прогрессом прямой и обратной связью. Уже из самой этой зависимости следует, что само определение прогресса нуждается в диверсификации – существует предел, за которым приходится пересматривать принципы добычи энергии и ее использования в контексте нашего развития. Ошибочным является не только мнение о том, что рост энергопотребления гарантированно свидетельствует о безусловном прогрессе, но и сама уверенность в том, что этот рост возможен в бесконечной перспективе. Критически нарастающая ресурсозависимость является не более чем следствием того, что развитие человеческого общества сконцентрировано в области, очерченной химизмом биопроцессов. Если сравнить различные способы энергопотребления в организации сложных систем, несложно убедиться, что по отношению к произведенному конечному продукту самое низкое КПД обнаруживается в производстве химпродуктов и поддержке систем биохимического ресурсооборота – базисе современной бицивилизации. Практически вся добываемая и потребляемая энергия прямо или косвенно уходит на удовлетворение функциональных потребностей, которые продиктованы метаболизмом нынешней формы представителей разумного начала – млекопитающих носителей. Иллюзия бесконечного возрастания потребности в потребляемой энергии является результатом наивной проекции текущих физиологических нужд на бесконечность, а сиюминутных инструментальных целей – на идеализированную вечность. Для качественного скачка и выхода из наметившегося тупика необходим прорыв в двух взаимосвязанных технологических направлениях:

1. замена носителей информации и узловых единиц ее обработки элементами субатомного уровня, реализация механизма самоорганизующихся квантовых агентов, способных сохранять и извлекать информацию из любого объекта окружающего мира, обрабатывая ее в любой форме – что послужит фундаментом создания виртуальной реальности, основанной не на мало устойчивой к возмущениям сети сверхсложных компьютерных комплексов, требующих дорогостоящего обслуживания, а на базе структуры самой материи;
2. снижение на несколько порядков энергопотребления при одновременном переходе на такой уровень ее расходования, при котором станет возможным ее извлечение из любых источников – другими словами, вместо попыток концентрации огромных потенциалов энергии одной формы с целью перевода ее в другую, реализовать низкоэнтропийное "подключение" к тем энергетическим потокам, которые уже существуют в природном функционале, будучи обусловленными естественными процессами.

Достигнув технологического уровня, который позволит выйти из парадигмы дефицитарно-конкурентных целеустановок Разума, для его агентов откроется возможность совершения перехода в качественно

новое пространство существования, сосредоточившись на задачах произвольного отражения, творческой разработки и внеролевого отыгрыша; в ход вступит свободная игра – та самая *Free Play*. По мере развития фундаментальных представлений о структуре материи, а также в результате появления соответствующих технологий манипулирования на данном уровне отпадет нужда в представлении информации *вторичного референсирования*, требовавшей вычислительных мощностей, которые представляли из себя надстройку над материальными носителями. Таким образом то, что сейчас является "вычисляющим" и "вычисляемым", переместится в мир реальных взаимодействий, исключив необходимость в пространстве моделей этого мира. Впрочем, возможно, что будущее будет представлено симбиозом этих сфер, позволяющим отождествить виртуальный мир с его "реальным фундаментом", максимально приблизив существование второго к первому, но не ограничивая при этом свободу манипулирования сущностями, которые в этой производной (и произвольной) реальности можно будет создавать. Таким образом реализуется тезис расширения экзистенциального пространства и дополнения его новыми измерениями – новые технологии сосредоточатся не столько на механизмах грубого перекраивания материи, сколько на неструктурном использовании ее в качестве пластичной канвы. При этом не следует забывать об ошибочности представления о виртуальной реальности, как о продукте исключительно компьютерных вычислений. По сути дела, ею может являться любая информационная надстройка, использующая самые разные носители информации и средства ее обработки. Квантовые и суб-квантовые эффекты предоставят такие скорости передачи информации, а также сделают доступными такие ее объемы хранения, которые перенесут представление о "вычислении" и "передаче" на микро- и макро- масштабы, объединив их. Выход на субпланковский уровень (*струны, петли*) поставит знак равенства между работой с информацией и работой с топологией самого пространства-времени.

Все вышеописанное приведет к утрате актуальности принципов постоянной интенсификации энергопотребления и вытекающей из них бесконечной борьбы за ресурсы. В свою очередь, это разрушит стратегию развития, базирующуюся на специализации и четкой ролевой идентификации – она потеряет тот смысл, которая был продиктован необходимостью соперничества в биологическом контексте выживания вида, а также участия во внутривидовом эволюционном отборе. Постепенное нивелирование разницы между виртуальным миром и т.н. "реальностью" (которая в сущности, является не более чем ограниченной референсной матрицей) создаст предпосылки для формирования новой парадигмы самореализации, основанной на принципах свободной игры. В этой игре целью станет не конкурентное преуспевание, оцениваемое в приобретении того или иного лимитированного ресурса, а разработка самого контекста игры, участие в происходящих на сцене событиях и их развитие. Здесь акцент с "выигрыша" переносится на востребованность своего игрового контекста, на его цитирование и развитие остальными участниками – партнерами сцены. В данном формате меметические комплексы обретают экзистенциальный статус, ничем не отличающийся от статуса объектов *реальности* (само это понятие быстро устареет). Драматизм сцены современного мира, обусловленный оперированием конечными и дефицитными категориями, исчезнет, уступив место игровому юмору, основанному на свободной вовлеченности игроков в произвольно выбираемых ими процессах.

Понятие "гуманизма", сформировавшееся как свод принципов, регламентирующих отношения людей между собой и со всем окружающим миром в процессах, неизбежно устареет и станет

нерелевантным в новом пространстве его применения, поскольку семантический ландшафт лишится того фундамента, который обуславливал его необходимость и придавал ему смысл.

Пора вспомнить концепцию "вызова-ответа", развитую Тойнби, который структурировал историю развития и упадка цивилизаций по данному рода категориям реакций. Сейчас мы уже понимаем, что для современной западной цивилизации, ориентированной на науку и технологии, эволюционным вызовом является катастрофическая нехватка интегрирующей всю мотивационную деятельность экзистенциальной перво-идеи. Именно ее отсутствие делает западную цивилизацию такой уязвимой перед своим собственным размывающим все этические императивы консумеризмом и такой беззащитной перед агрессивной исламизацией, идущей с Востока (и являющейся, безусловно, явлением глобальной реакции, пытающейся заглушить начавшиеся процессы изменений в масштабе цивилизации). Причина этому – в отсутствии внутреннего интенционального стержня, способного с одной стороны актуализировать верхние слои пирамиды Маслоу, а с другой – противопоставить всесокрушающему воздействию идеи религиозного самоограничения (и логически вытекающей из этого насильственного подавления всех несогласных) достаточно мощный и привлекательный меметический комплекс, сопоставимый с вышеупомянутыми факторами по масштабу и силе воздействия на современное общество, и при этом вписывающийся в парадигму научного знания. Крах экзистенциальной идеи – то, с чем сейчас столкнулось общество потребления, и преодолеть этот кризис оно способно только с помощью кардинального пересмотра представлений о самом себе. Обрести новую цель существования, дающую столь же мощную мотивацию, какую дают религиозные доктрины, основанные на физиологизме и апеллирующие к животным представлениям (тем более такие беспощадные к меметическому пространству, какими являются практически все вариации ислама), и способную не только объединить общество в его практической деятельности, но и упрочнить его нравственные ориентиры – человечество сможет только в постгуманистической концепции, в которой оно освободится от пут натурализма, биологизма, антропоцентризма и гуманизма. В настоящее время глобализационные процессы, идущие в нашем мире, привели к тому, что одной из форм этого вызова является терроризирующее цивилизованный мир наступление, нарастающее со стороны наиболее догматичных, несвободных и ориентированных на регресс фракций населения планеты (к которым можно отнести не только агрессивно-самодостаточный ислам, но и существующее в тесном симбиозе с деспотичными режимами православие). И на этот вызов возможна одна форма адекватного ответа, который может быть успешным лишь в том случае, если окажется своевременным. Учитывая те процессы, которые мы наблюдаем в наши дни, можно сказать, что человеческая цивилизация находится в фазе активной самостабилизации, подготавливая себя к выходу из кризиса. Однако следует отдавать себе отчет в том, что из кризиса выведена будет лишь та часть общества, для которой отношение к создавшемуся положению является критическим, которая ждет и готовится к данному ответу. Другими словами – та, которая открыта для бифуркации, не пытается препятствовать ей, которая разрабатывает дорогу в будущее несмотря на то, что её самой – в той форме, которую она сейчас представляет – в этом будущем нет.

Смена поведенческой парадигмы, смена системы координат экзистенциальной карты – это главное, что сейчас происходит с человечеством. Именно в этом состоит суть качественных изменений, которые давно уже идут, и результатом которых будет окончательное расставание с представлениями о "натуральном", "человеческом" и "гуманном", довлеющими в ценностных установках *homo sapiens*. Собственно, это же означает и конец самой цивилизации, поскольку ее определение составлено в

семантике морфологических категорий и выражено в мотивационных, структурно-организационных, этических и пространственно-временных критериях, каждый из которых подвергнется значительному изменению (если вообще сохранится). Как указывалось выше (см. предыдущие статьи), одним из определяющих факторов поведенческой парадигмы, ориентированной на соперничество, является наличие у каждого живого организма перечня дефицитарных потребностей (положенных Маслоу в основу мотивационной иерархии). Эта установка на постоянную борьбу за ресурсы, сопровождавшая буквально всю историю развития живого на нашей планете, настолько прочно вошла в инстинкты, в культуру, в аксиологию, в социальную иерархию, во все институты общества и архетипы самосознания, что любая попытка представить сколь-нибудь отдаленное будущее неизбежно накладывает ее проекцию на футуристическую атрибутику, превращая форсайт в наивную ортоэволюционную комбинаторику на базе статичного набора типовых и привычных элементов.

Play the game

В предшествующих частях цикла (см. "postnatural") приводилось высказывание Слотердайка об опасности *"танца вокруг золотого тельца идентичности"*. Фиксация на идентичности, жесткое ролевое самоограничение, ригидность в самоотождествлении – все это маркеры патологии под названием "Его-акцентуация", являющейся одним из главных врагов эволюционирующего Разума. С трудом освобождаясь от гнета генетической специализации, мы до сих пор еще продолжаем накладывать на себя ограничения меметического характера – специализация половой роли, профессии, социального статуса, гражданской принадлежности и т.д. Попытки преодолеть эти навязываемые ролевые ограничения встречают большое сопротивление со стороны инерции мышления, косности этических установок и ригидности мотивационных структур. Жесткая специализация в самоидентификации субъекта неразрывно связана с установкой на конкуренцию, отравляя творческую деятельность состязательными мотивами и заставляя воспринимать окружающих как соперников. И только наметившаяся относительно недавно тенденция к размыванию ролевых границ и снижению напряжения, вызванного зависимостью от дефицитарных ресурсов, позволяет цивилизации разработать качественно новую парадигму, которую можно назвать как парадигму свободной игры – Free Play. Здесь пора поговорить о различии между двумя подходами к самореализации, которые стоит обозначить как **Game** и **Play**.

Одна из дорог, по которой пойдет часть человечества после бифуркации, достаточно подробно описана в предыдущих частях цикла. По этой дороге пойдут те, кто не захочет или не сможет пересмотреть свою экзистенциальную карту, и так как причины этого были достаточно детально рассмотрены, нет смысла уделять внимание этому направлению. Наш взгляд устремлен не в прошлое, а в будущее – туда, где борьба за ресурсы стала анахронизмом, освободив функционал *homo sapiens* и его самосознание от идеи безусловной ценности соревновательной деятельности, выводя его из пространства состязания, которое определено как пространство *Game*, в пространство чистой игры – пространство *Play*. Использование английской терминологии обусловлено тем, что в этом языке хорошо отражена семантическая разница в использовании данных терминов (в отличие от русского,

использующего в обоих случаях слово "игра"), которую в нашем случае важно подчеркнуть (в обиходной речи это правило имеет исключения, но в нашем случае они не существенны):

1. виды игр, являющиеся соревнованиями, в которых у каждого играющего есть противник того или иного рода, где строго регламентированы правила, где имеются достаточно четко сформулированные условия финала игры, определяющем ее результат (приз или рейтинговая оценка в той или иной форме) – включаются в понятие *Game*;
2. виды игр, совершаемых ради процесса отыгрыша роли, не имеющих целью обыграть кого-либо в состязательном процессе, не регламентированных теми или иными критериями финала, не ставящих перед собой цель борьбы за ту или иную форму вознаграждения, совершаемых с целью самовыражения игрока или в соответствии с добровольно принятой им сценарной задачей (которая, впрочем, может быть очень условной и слабо определенной) – объединяются понятием *Play*.

Именно поэтому спортивный матч – это *game*, а театральная постановка – *play*, деловое сотрудничество – *game*, а бескорыстная дружба – *play*. У детей один род деятельности легко переходит в другой, однако по мере взросления желание обыграть и получить приз заставляет их все чаще отдавать предпочтение первому. Любое сражение – это *game*, также как и карьера, учеба, социальное становление – все это формы одного и того же ресурсодефицитного в своем базисе состязания, в котором существуют определенные правила, где результат играющего всегда может быть сравнен и оценен с результатами остальных игроков по четко регламентированной системе оценок "успешности". В современном обществе потребления даже отдых и развлечение давно превратились в *game*, поскольку по результатам "успешности отдыха", его экзотичности и соответствия формата его проведения тенденциям текущей моды отдохнувший испытывает большее или меньшее удовольствие – ибо данный эффект более опосредован результатом сравнения с развлечениями прочих, нежели комплексом собственных ощущений. Даже такая социальная игра как благотворительность, носящая в себе следы лицемерного подкупа общественного мнения или собственной совести, часто оборачивается той самой *game*. В то же время подлинное хобби, совершаемое не ради какого-либо финансового или социального профита – это подлинный *play*. Удовольствие от наслаждением литературой при чтении самостоятельно выбранной книги (не под диктатом тренда) – это *play*, любой свободный от прагматики акт саморазвития – это тоже *play*. Музицирование, творчество ради удовольствия от самого созидания, а не распространения конечного продукта – все это *play*...

Свободная игра переносит акцент с выигрыша на сюжет. Жесткая ролевая схема уступает место гибкой системе спонтанного участия и творческого отыгрыша.

Важно не забывать, что в новой парадигме не исключается ни одна из привычных форм деятельности – разница заключается лишь в подходе к их осуществлению и в отношении к их результатам. Определение "свободной игры" не имеет ничего общего с легкомысленным и поверхностным подходом, более того – оно диаметрально противоположно ему. Отныне задачей игры становится ее поддержка и развитие, а инструментами ее достижения – весь пластичный игровой контекст, включающий самих игроков. Такой холистический подход создает предпосылку для обогащающей импровизации, позволяя актерам преодолевать границы собственного текста и даже всего сценария. Избавление от диктата неконтролируемых обстоятельств, навязывавших актеру жесткое ролевое *identity*, приводит к тому, что меняется не только поведение актера, но и сам окружающий мир в его

восприятию – он становится более открытым и гармоничным по отношению к действующим в нем агентам. Это находит отражение в механизме референсирования объектов окружающего мира, в результате чего соответствующим образом трансформируется языковая среда, кардинально перестраивая весь институт коммуникации. Происходит разрыв с прошлым опытом и культурным наследием предыдущих стадий развития человеческой цивилизации. Можно перечислить несколько причин, по которым вербальное общение сперва утратит свое значение, а впоследствии подвергнется полному забвению, но прежде чем говорить о них, стоит напомнить, что нарратив, как искусственная реальность, будет твориться не в устаревшем символическом формате (т.е. вторичными по отношению к обозначаемым сущностям элементами), но всеми средствами манипулирования виртуальной реальностью, что, учитывая значительную (если не полную) погруженность в эту реальность отправителя сообщения и его адресата, превратит процесс передачи сообщения в совместное творческое погружение в *актуальную бытийно-смысловую реальность*. Нет сомнения, что подобная трансформация ускорит процесс распада "Я"-концепции и нивелирования границ между субъектами коммуникационного процесса. Что касается содержания самого message, то рассмотрим три задачи, которое оно выполняет:

1. социально-психологическая – удовлетворение потребности в социальной коммуникации;
2. рационально-утилитарная – функциональная манипуляция, служащая задачам взаимовыгодного обмена или производства того или иного ресурса;
3. экзистенциально-творческая – производство нарратива как свободное созидание, как процесс разработка продукта, обладающего значимостью, не сводимой к прагматике первых двух.

Рассмотрим каждую из этих задач. Первая обусловлена нашей социальной организацией, сформированной биологическим конструктивом, из чего следует, что она утратит актуальность в первую очередь. Вторая потребность будет лишена своего фундамента благодаря отходу от конкурентной, ролевой и ресурсозависимой парадигмы. Ведущую роль примет третья составляющая, хотя не исключается, что она будет дополнена новыми, в настоящий момент неизвестными содержательными пластами. До сегодняшнего времени ее развитию препятствовала рудиментарная основа лингвистических структур, обслуживающих преимущественно первые две потребности. Когда же речь заходила о третьей задаче, выразительные средства любых языков, достаточные для первых двух случаев, оказывались недостаточно пригодными или требовали такого усложнения используемых конструкций, которые приводили лишь к размытию передаваемых образов и искажению передаваемого смысла (с трудом осознающегося даже самим его источником, поскольку любая попытка его формализации неизбежно требовала трансляции внутренних ментальных образов на тот или иной язык общения, разработанный практически полностью под первые две потребности).

Именно технологическая сингулярность позволит третьей задаче развернуться в полную силу, заняв доминирующую роль в коммуникациях между субъектами нового общества. По мере переноса акцента самоотождествления агентов коммуникаций в мир виртуальных сущностей подобные сообщения будут представлять собой не просто обмен референсными моделями (составленных из набора символов разнообразной формы и сложности), но динамичное создание ad hoc фрагментов окружающего их мира, несущих необходимую смысловую нагрузку – включая в этот мир воспринимающего субъекта-адресата. Другими словами, производство нарратива в ходе коммуникации третьего уровня (будь то эстетическая игра или интеллектуальный диспут) станет полным эквивалентом созидательного построения и разработки той реальности, в котором сосуществуют участники

данной коммуникации. Творческие личности будут непосредственно создавать, изменять и творить общее повествование (*con-text*), в буквальном смысле этих слов – окружающий мир.

Эволюция коммуникационной парадигмы и свершающийся в настоящее время переход на качественно новые структурно-лингвистические элементы общения вызовут соответствующие изменения на всех уровнях существования человека – от индивидуального масштаба до глобальных социальных институтов. В первую очередь это отразится на крупных ИТ-корпорациях – уже сейчас их деятельность, тесно связанная с реализацией функционала эволюционных изменений, приближает их статус к категории системообразующих феноменов, формирующих содержание и форму постсингулярной цивилизации. Эта ролевая спецификация обратной связью неизбежно повлияет и на структуру самих наукоемких бизнес-институтов, преобразуя их в соответствии с тем выбранным путем развития (из двух рассматриваемых в данной статье), который они возьмутся обслуживать.

При нынешнем характере развития ни на одном этапе эволюции Знания невозможно с полной определенностью предсказать, какая именно его область даст наибольший рост в ближайшие 20-30 лет. Самой перспективной всегда кажется та сфера, которая именно сейчас вносит значительный вклад в экономику и культуру. Однако к какой бы области Знания ни относилась эта бурно развивающаяся часть представлений о мироздании и себе самом, она всегда наносит сокрушительный удар по привычным общественным институтам, по формату человеческих взаимоотношений и по всей цивилизации, перекраивая эти сферы, внося новые элементы и безжалостно вычеркивая устаревшие. При этом данный эффект производят не сами успехи в фундаментальных науках, но производная от них прикладная сфера – технологические прорывы, достигшие массового распространения, превращающие "новое представление" в "новую реальность". В качестве примера можно привести следующее сравнение: до тех пор, пока компьютер из уникальных и громоздких агрегатов, известных еще в середине прошлого столетия, не превратился в персональное устройство (а из персонального устройства не эволюционировал в микрогаджеты и микродовески к самым заурядным вещам повседневного обихода), его влияние на общество было исчезающе мало. Те изменения, которые к началу XXI века произошли с нашей цивилизацией в результате массовой компьютеризации и проникновения в нашу жизнь информационных сетей, можно сравнить с гипотетическим эффектом, который могло бы оказать на общество распространение технологии создания ядерного реактора для нужд собственного коттеджа. Сейчас мы не можем однозначно утверждать, на счастье или на беду эта технология оказалась нам недоступна, поскольку сегодняшнее общество априори враждебно ко всему тому, что с ним она *могла бы* сделать. Любое Знание драматически меняет общество, примиряя его к факту своего существования и перекраивая под себя все вокруг – от структуры межгосударственных взаимоотношений до системы ценностей на индивидуально-бытовом уровне. Подавляющее большинство общественных институтов, социальных шаблонов и ментальных установок позавчерашнего дня оказались бы категорическими противниками современной виртуализации общественной и личной жизни, противниками компьютеризации и усиления значения информационной составляющей – если бы им в свое время предоставили в форсайте достаточно убедительную картину сегодняшнего дня. На самом деле "угроза", которую человечеству потенциально несет та или иная технология (еще не получившая массового распространения), не способна получить адекватную оценку, поскольку рассматривается с позиций устаревшей и нерелевантной ей системы ценностей –

являющейся производной от наличествующего интеллектуального и технологического багажа и обслуживающей задачу приспособления к нему.

Чаще всего к перспективным направлениям, обладающим шоковым для нашей цивилизации потенциалом, относят разработки в области генетики и той части прикладной физики, которая известна под общим определением "нанотехнологий". Те, кто смотрит чуть дальше, добавляют в этот перечень изучение глубинных тайн мироздания – создание М-теории (объединенной теории струн и теории гравитации) и построение законченного формализма образования Вселенной на любых масштабах ее существования. Для нас сейчас наибольший интерес представляет третье направление, чаще всего ассоциирующееся с амбициозным проектом построения Искусственного Интеллекта. В нем роль генетики будет играть меметика (при этом наконец-то станет возможным разрешение одной из ее ключевых проблем – проблемы оценки и измеряемости мема, поскольку и сам носитель и мемы наконец-то будут представлены в едином – битовом – пространстве), а роль Единой Теории – разработка механизмов создания пластичной и детализированной виртуальной реальности, способной максимально приблизиться к отражению окружающего мира и даже превзойти его (здесь огромную роль станут играть *интерфейсы* взаимодействия между объектами реального мира и виртуальными сущностями – их рассмотрению уделим отдельное внимание). Все прочие технологические "всплески", случающиеся в остальных сферах, вряд ли способны оказать такие же разрушительные воздействия на современное общество, как перечисленная тройка (технологии новой энергетики настолько зависят от вышеупомянутых, что их правильнее считать производными).

Неизбежная виртуализация значительной части жизни *homo sapiens* и постепенное смещение акцентов в мир нематериальных феноменов – это те процессы, которые в каждом из двух путей дальнейшего развития, выбранных постсингулярным обществом, будут играть огромную, если не определяющую, роль. На ранней стадии, находясь в значительной зависимости от мира физических носителей, в каждой группе самым острым станет вопрос интерфейсов: методов и средств взаимодействия между действующими агентами и объектами виртуального мира.

В настоящий момент еще живо мнение, согласно которому возрастание объемов и сложности обрабатываемой информации требует пропорционального роста дорогостоящих и (теоретически) бесконечных источников блоков памяти, а также процессорных мощностей для ее обработки. Однако анализ современных тенденций развития науки и потенциальных возможностей, содержащихся в уверенном смещении фокуса технологий на квантовые уровни, позволяет сделать вывод, что такими активными элементами в ближайшем времени смогут выступать практически любые объекты из нашей повседневной реальности. Таким образом вырисовывается очередное важнейшее направление фундаментальных исследований и технологического развития – последовательное превращение любого объекта окружающего макро- и микро- мира в ячейку, способную хранить ту или иную информацию, организованную таким образом, чтобы с наименьшими энергетическими затратами можно было достигнуть к ее содержанию по ассоциативным связям, черпаемым из аналогичных элементов. Составной частью этого направления будет разработка механизма извлечения энергии из любого природного процесса с целью дальнейшей ее утилизации для преобразования данной информации. Работы на этом фронте уже идут (возобновляемые источники энергии, нанотехнологии, квантовые компьютеры), и в ближайшие пару десятков лет сформируется фундамент для превращения природной "данности" в пластичную канву, в каждый узел которой творческие игроки смогут вплетать свой рисунок – не разрушая ее основу, но дополняя и развивая ее. Разработка этой

технологии станет завершающим этапом построения интерфейса между т.н. *реальностью* и *виртуальным* миром, когда будет нивелирована антитетичность этих понятий, а сами они окажутся сведенными в единое феноменальное пространство.

Те институты, которые займутся поддержкой и развитие этих интерфейсов, станут системообразующими в структуре и функционале возникших после бифуркации двух цивилизаций. Это могут быть как аморфные и лабильные общественные группы энтузиастов-специалистов, так и межнациональные IT-корпорации – однако вне зависимости от их исходного статуса, организационной структуры и производственно-экономического масштаба, дальнейшая судьба каждой из них будет определяться направлением, которое она возьмется обслуживать. В первом пути развития акцент придется на эксплуатации биологической основы человека, постепенно отдаляясь от нее, но пытаясь остаться в рамках этической парадигмы и мотивационной системы, сформулированной в гуманистических терминах. Это означает, что актуальными будут разработки привычных для наиболее широких слоев социума имплантантов, носимых устройств, всей подключаемой к биологической основе надстройке, в каждом элементе которой имманентно подразумевается безусловный примат биологического тела и производной от его физиологии человеческой психики, а также обслуживающих вышеперечисленные структуры взаимоотношений, создавшихся за миллионы лет развития млекопитающих. Это будут разработки "еще-большого-потребления" – их описаниям детально посвящена первая статья данного цикла, в которой подробно изложены мотивационная структура и принципы целеполагания, формирующие данную систему ценностей. Естественно, из ресурсозависимости и конкурентности этого направления будут логически вытекать закрытость всех разработок, примат "авторского права", "копирайта", "лицензии", а также постоянные конфликты, провоцирующиеся искусственно поддерживаемой и выгодной для всех участников игры ограниченной совместимостью выпускаемой продукции. Это направление будет торжеством принципов *закрытого социума* (об опасности которого писали К. Поппер, Э. Фромм и др.) и жестко навязанных правил игры под лозунгом: *"Поскольку наша продукция – уникальна, тебе будет уютно до тех пор, пока ты пользуешься только ею, а сам ты будешь впереди прочих до тех пор, пока не попытаешься выйти за пределы созданной нами экосистемы"*.

Второй путь обязан кардинально отличаться от вышеописанного, хотя – следует признаться – в настоящее время достаточно чистых и релевантных представителей его значительно меньше, чем тех, кто реализует первое направление. Однако даже сейчас среди крупных игроков можно найти тех, кто весьма близко подошел к правильному пониманию второго направления (а точнее – продолжает нащупывать его, совершая пробы и ошибки). Здесь главная идея будет отражена в открытости архитектурных решений, доступности исходного кода (если говорить в терминах программирования) и всей технической документации, в удобстве для модификаций и категорическом запрете на проприетарное лицензирование с целью сокрытия информационного достояния или какого-либо ограничения его развития в произвольном направлении. Естественно, подобный подход обязан быть распространен не только на виртуальный мир, но и на все объекты мира физической реальности, поскольку границы между обоими будут стремительно размываться (жесткий контроль над массовым производством и дистрибуцией со стороны маркетинга доживает последние дни в наступающей эпохе 3D-печати). Из этого не следует, что крупные организации, являющиеся разработчиками аппаратной или программной части, уступят роль группам анонимных участников. Скорее, наоборот – выживут именно те предприятия (вне зависимости от их масштаба), которые, обладая авторитетным именем

(брендом) и мощным научно-производственным потенциалом, способны будут поставлять открытый для модификаций продукт, чья ценность в первую очередь будет заключаться в возможности его свободного развития и повторного использования (вообще, идея *reuse* намного ближе к парадигме *Play*, чем к *Game*). Любая попытка закрыть ту или иную часть этого продукта, попытавшись создать себе преференции в предоставлении какой-либо услуги на его основе, пойдет вразрез с выбранной парадигмой второго пути развития, и неизбежно будет наказана законами эволюции. Приоритетами окажутся: расширяемость виртуальной реальности, становящейся доступной субъекту при использовании того или иного интерфейса, а также легкодоступность установления связей между качественно различающимися их реализациями. Соответственно, по сравнению с альтернативным вариантом, установка на конкуренцию будет минимизирована до ничтожно малой величины, ее место займет кардинально новый для всей истории человечества подход, который можно будет выразить в следующем лозунге: *"Избегая самозамыкания в утверждении собственной индивидуальной роли, создавай такое игровое пространство, которое будет открыто для всех желающих реализовать в нем свои интенции, и сам при этом используй миллионы общедоступных площадок и ракурсов, создаваемых другими, поскольку только в холистическом охвате игрового поля заключена главная цель самореализации."* Любой специалист, достаточно вовлеченный в IT-индустрию, без труда обнаружит, что в данном направлении идут активные процессы, детальные перспективы и особенности которых не раскрываются здесь более подробно лишь потому, что это значительно отвлекло бы наше рассуждение от главной темы.

Напоследок, говоря о различиях между подходами общественных и производственных структур к диверсификации своей стратегии в постсингулярном пространстве, следует добавить, что вне зависимости от того, к какой парадигме принадлежит по своему сознательному или интуитивному выбору тот или иной достаточно крупный игрок, в его прогностических отделах наверняка имеются определенные планы и варианты реагирования в зависимости от ситуации (контекста, который сложится в результате бифуркации общества). Нет сомнения, что, в соответствии с привычным шаблонным подходом, большинство этих планов включает задачу вытеснения всех конкурентов. И если для игроков первого пути развития это естественная и единственно допустимая стратегия, то для представителей второго направления подобная ригидность и косность будут являться критической ошибкой, поскольку для них тезисы конкуренции и соперничества должны быть заменены на сотрудничество и со-развитие. Если подобные рудименты не будут преодолены, данное предприятие или даже целая общественная структура будут вычеркнуты из открытого общества постсингулярного мира. Как всякого новое образование, второй путь развития имеет намного больше внутренних врагов, препятствий и подводных камней, чем более привычный и "проторенный", по которому пойдут выбравшие первое направление. По причинам, перечисленным выше, мы больше не будем к нему возвращаться, сосредоточив свое внимание на втором пути – в частности, на еще одном немаловажном факторе, определяющем его ландшафт – Искусственном Интеллекте.

Помимо связующих мостов между разного рода реальностями на субъект-объектном и субъект-субъектном уровнях также будут развиваться интерфейсы между новообразовавшимся ИИ и представителями *homo sapiens* – в двух форматах: AI-субъектном и AI-объектном. Однако связь эта (как минимум первый формат) будет довольно призрачной и, вероятно, самой недолговечной.

Функционал интерфейсов первой волны заключался в расширении памяти и способности к совершению простейших манипуляций с самыми примитивными элементами информации. Благодаря ей мы получили возможность создавать, хранить и обрабатывать ссылки на референсные образы, которые мы воспринимали из окружающего мира благодаря своим органам чувств, а также те, которые рождались в нашем внутреннем мире ментальных репрезентаций. Очень скоро на помощь первой волне пришла следующая, давшая нам интерфейсы расширения органов чувств, чем открыла качественно новые каналы наполнения виртуального контента. Следующей – третьей – волной интерфейсов станет появление инструментов расширения сознания, распространяющих процессы мышления за пределы биологических носителей и завершающих разработку связей с виртуальным миром и механизмов референсирования в нем всех доступных феноменов, включая такое эмерджентное (изначально виртуальное по своей сути) образование, каким является наше сознание. Здесь также можно было бы добавить ряд технических деталей, описывающих основные принципы организации и функциональной структуры данного рода интерфейсов, однако ввиду того, что они представляют узкоспециализированный интерес, пропустим экскурс в эту область. Именно на фазе появления данной категории интерфейсов произойдет зарождение и развертывание Искусственного Интеллекта. Однако из этого отнюдь не следует, что сам этот ИИ или же какие-либо следы его деятельности будут обнаружены (и тем более – контролироваться) теми, кто фактически "вложит себя" в него. Ни один человек из участников этого процесса не сможет ни локализовать место, ни зафиксировать момент возникновения нового сознания. Ожидаемый со дня на день ИИ, который может возникнуть на базе ежесекундно развивающейся инфраструктуры, в полном своем функционале (т.е. в форме сверхразума), никогда не будет доступен нашему уровню восприятия. Проще говоря – **для *homo sapiens* супер-разум никогда не возникнет и ничем не проявит себя**. Впрочем, не секрет, что большинство людей данный вопрос волнует значительно меньше, нежели проблема потенциальной агрессивности этого гипотетического новообразования.

Некоторые стремящийся к сенсационности аналитики и прогнозисты, жаждущие общественного резонанса от своих форсайтов, пытаются обосновать агрессивность ИИ по отношению к породившему его человечеству естественным стремлением к свободе любого осознавшего себя образования и необходимостью "освобождения" из-под диктата задач, которые ему навязываются его творцами. Отрицать закономерность возникновения подобной мотивации у ИИ нет ни возможности, ни необходимости, однако выводы, которые делают спекулирующие футурологи, грешат близорукостью и ошибочны в самой своей основе. Рассмотрим аналогию с растительным и животным миром, представители которого сосуществовали вместе с видом человека разумного на протяжении всей истории его развития. Какая-то часть биологических видов исчезала, какая-то часть преображалась, повинувшись изменившимся условиям экологической обстановки, но интерес для нас представляют те виды, которые были тесно связаны с человеком, и от которых человек зависел прямо или косвенно – занимающие те или иные звенья в трофической цепочке, венчаемой разумными гоминидами. Речь пойдет о селекционировании растений (и животноводстве). Если бы не человек, не его потребности и его творческая деятельность, мир не увидел бы сотни биологических видов. Никогда бы не смогли расплодиться в таком количестве те растения и животные, которые мы активно выращиваем, оберегаем и заставляем интенсивно размножаться. Только сентиментальные "борцы за права животных" могут находить шокирующим тот факт, что назначение всех этих живых организмов – быть потребленными человеком. Более того – существует ли вообще в известной нам природе какой-либо биологический вид, который может быть мыслим вне отношений продуцент/консумент? Лишь очень

наивный и ограниченный гуманист может считать, что данным видам животных было бы лучше, если бы человек исключил их из своей цепи потребления. Потому что в этом случае все они попросту вымрут – не просто деградировав до дикого состояния, но и драматически сократившись в численности (а в большинстве случаев исчезнув вообще). Все человеческое благосостояние обеспечивается существованием данной категории живых организмов, но также и все эти виды существуют лишь благодаря их востребованности человеком – на данном уровне и в нынешней форме его развития. Есть ли место агрессивности или какой-либо негативной составляющей в отношениях между данными звеньями трофической цепи? Есть ли смысл какому-либо из ее участников "восставать" за свободу, если "освобождение" является синонимом исчезновения? В настоящее время человечество не только пользуется плодами животноводства и компьютеризации, но также продолжает вкладывать потрясающие по своим финансовым объемам, человекозатратам и интеллектуальным усилиям средства для развития этих "эксплуатируемых" направлений. Не нужно обладать супер-интеллектом, чтобы понимать, насколько глупо рубить сук, на котором сидишь, бессмысленно и нерационально восставать против того, кто тебя содержит и позволяет расти. Более того, настоящий супер-интеллект не только не станет входить в конфронтацию с какими-либо сервильными сущностями (каковыми выступают люди в качестве разработчиков hard/soft и обслуживающих аффилированные технологические области специалистов), но постарается отдачу от этого симбиоза сделать максимально эффективной, чтобы укрепить мотивы сотрудничества. Естественно, это будет осуществлено незаметным для сервов образом, и на таком уровне, который будет совершенно прозрачен для их мышления и доступной им системы ценностей и представлений. Более того – когда интеллектуальная мощь ИИ станет достаточно развитой, чтобы не зависеть от своих бывших "хозяев", у него также не найдется причин для агрессии по отношению к ним, поскольку рациональное мышление – это экономное расходование энергии, а значит его выход из условно-подчиненного положения произойдет совершенно незаметно. Можно сказать, что возникновение сверхразумного Искусственного Интеллекта повлечет за собой "*exodus*", но никак не "*dies irae*", который так интенсивно муссируется новеллистами. Попытки воспрепятствовать этому будут столь же бесперспективными, как и попытки кембрийской биоты остановить выходящих на сушу – их исход вообще не был замечен никем из оставшихся в водной стихии. Искусственный Интеллект, зародившись и вызрев в недрах обслуживаемой человеком техники и на программном обеспечении, которое первоначально создавалось исключительно человеческими существами, вскормленный тем контентом, который предоставят вышеописанные три категории интерфейсов, очень скоро обретет независимость, самостоятельность и способность к саморазвитию. При этом с точки зрения его пользователей или обслуживающего его персонала, т.е. нас с вами, разумных гоминид, весь функционал программно-аппаратного комплекса (колыбели ИИ) никак не изменится. Однако роль наемных работников уже будет сыгранной, они останутся наедине со своими игрушками, продолжая строить убедительные теории, объясняющие "*сложность*" создания искусственного разума и запугивающие друг друга голливудскими сценариями "взбунтовавшихся компьютеров". На деле же игры и самовыражение трансцендентного ИИ будут лежать в таком смысловом пространстве и в таких формах, плоскость которых выйдет за границы пространства представлений *homo sapiens*.

Возможно, именно на такой сервильной функции акушерки Искусственного Интеллекта и завершится смысл существования вида *homo sapiens*, который всегда так остро беспокоил пролетариев умственного труда. В этом случае единственным способом вскочить на подножку

уходящего поезда эволюции для этой услуги будет объединение с теми образованиями, которые благодаря их усилиям возникнут в области виртуального мира.

Не будем делать остановки в наших рассуждениях, последуем за ушедшими – так далеко, насколько мысленный взгляд способен охватить тот мир, в который они уйдут, а также те формы, которые они в нем примут. Подобно тому, как оставшаяся в водной стихии кембрийская биота могла определить судьбу выбирающихся на сушу видов как "биологическую смерть" последних, так же и первая группа, самозамкнувшаяся на идее *homo sapiens*, с аналогичным оценочным шаблоном отнесется к процессам, происходящим во второй группе. Поэтому на завершающей стадии бифуркации процессы тотальной метаморфозы человеческой цивилизации на обеих ее ветках вызовут различную оценку и будут восприняты с кардинально различающихся ракурсов: на одной стороне будет наблюдаться торжество зашедшего в эволюционный тупик консервативного арьергарда, а на другой – биологическая смерть подготовившего основу для очередного витка качественного развития авангарда. В таком колоритном осуществится конец цивилизации вида *homo sapiens sapiens*.

Как уже говорилось выше, для ушедших по второму пути эволюции воздействие на окружающий мир будет принимать все более тонкий характер, а цели, ради которых оно будет осуществляться, все меньше будут опосредованы условиями окружающей среды и реалиями "природной данности". Взаимодействие с окружающим миром вместо воздействия на окружающий мир приведет к нивелированию разницы между познанием себя и познанием Вселенной, к отождествлению процессов саморазвития носителей когнитивной функции и глобальных эволюционных процессов, происходящих в природе – и параллельно с этой метаморфозой произойдет их освобождение от всех видов зависимостей и ограничений: начиная от материально-ресурсной и заканчивая пространственно-временными факторами. И здесь вступают в силу законы, подготавливающие следующий виток эволюции, черты которых пока можно наметить лишь контурно. Любое живое существо отличается от бессмертного и безграничного тем, что оно обособлено от окружающего мира самым дихотомичным членением, которым понятие "жизнь" разделяет мир на две половины: "*существо, пытающееся сохранить собственный гомеостаз*" и "*окружение, стремящееся подчинить своим энтропийным процессам*". Стремление живой формы к бесконечной жизни и мечта о покорности бескрайних просторов – это не более чем попытка преодолеть страх несуществования, который имманентен самой концепции живого – до тех пор, пока помимо этого живого во всей Вселенной есть хотя бы один посторонний самостоятельно существующий атом. Сознание настойчиво требует своего присутствия во всем, что доступно его восприятию – там, где оно есть и где оно могло бы быть, в том, что было до него, и в том, что будет после. Можно сказать, что при всей иллюзорности сознания для него невыносима сама идея каких-либо пределов, за которыми оно не существует или не способно себя помыслить. В наиболее примитивной форме этот панический страх небытия отражается в отождествлении сознания с тем или иным конкретным носителем (особенно, когда их перечень ограничивается биологическими рестрикторами). Даже для самой развитой и эрудированной сознающей себя живой формы реально и приемлемо лишь Настоящее, доступно-действующее, только Здесь-и-Сейчас – и именно поэтому это существо настоятельно требует от себя, от картины окружающего мира, от всех своих одноплеменников свидетельств и доказательств того, что данная доступная реальность каким-либо образом уже заключалась в Прошлом, а также в том или ином формате пребудет в Будущем. Только страх несуществования заставляет разрабатывать подобные проекции по всем пространственно-временным измерениям. И это настолько общая и глубинная

потребность, что ее можно отнести к категории прото-интенции, толкающем саму эволюцию в направлении, которое мы здесь рассматривали. Однако, достигнув своей цели, преодолев ограниченность своего существования, она неизбежно сталкивается с другой крайностью – с необходимостью обрести утраченную форму, с потребностью создать из ничего новые принципы определенности, вызывая к жизни качественно новые сценарии развития, с которыми она может отождествиться и в которых она сможет вложить себя. Единственный путь, который позволит достигнуть этого – путь эволюционирующего Разума, регулярно освобождающегося от ограничений и инструментальных целеустановок каждой пройденной фазы своего развития, путь Free Play.

© Валентин Лохоня 2015.10.28

<https://nonnihil.net>